

ДИСКУССИИ

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

И. М. Складр

Со времени выхода в свет известной монографии И. И. Смирнова¹ советская историческая наука накопила значительный материал, дающий основания для известного пересмотра существующей точки зрения на характер бурных событий начала XVII века. Статья А. А. Зимина² представляет собой попытку сделать шаг вперед именно в этом направлении. А. А. Зимин рассматривает историю начала XVII в. как комплекс событий, органически связанных друг с другом. Наиболее характерной чертой данного периода он считает крестьянскую войну, которая продолжалась «с 1603 по 1614 г. и усложнялась борьбой с иностранной интервенцией»³. Определенный отход от старых точек зрения намечился и при обсуждении указанной проблемы в Ленинградском отделении Института истории (выступления Н. Е. Носова, В. Н. Бернадского)⁴. Однако большинство участников обсуждения, и прежде всего И. И. Смирнов, продолжает настаивать на прежней трактовке событий начала XVII века⁵.

Не вызывают возражений общетеоретические высказывания И. И. Смирнова о том, что крестьянская война есть война гражданская и как таковая она неизбежно предполагает постановку вопроса о политической власти и распаде территории государства на две части, на одной из которых признается власть восставших⁶. Но, как известно, гражданские войны нередко осложняются вмешательством извне, иностранной интервенцией, использованием внутренней борьбы в антинациональных целях. И. И. Смирнов игнорирует это и, по существу, отказывается от серьезного разбора и оценки движений, связанных с именами обоих Лжедмитриев, заявляя, что они представляли собой лишь «особую форму интервенции польских феодалов» и поэтому не могут рассматриваться как этапы крестьянской (иными словами — гражданской) войны. Возражения И. И. Смирнова по главному вопросу — об общей оценке социальной природы событий начала XVII в. — являются, в сущности, попыткой опровергнуть выводы А. А. Зимина о начальном этапе крестьянской войны⁷. Однако эти выводы нашли в последнее время подтверждение в статье В. И. Корецкого, осветившего предпосылки крестьянской войны и восстание Хлопка как одно из событий ее начального этапа⁸.

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951.

² А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3.

³ Там же, стр. 113.

⁴ «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве начала XVII века». «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 206, 207—208.

⁵ См., например, И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 12.

⁶ Там же, стр. 116.

⁷ Там же, стр. 117, 120.

⁸ В. И. Корецкий. Из истории крестьянской войны в России начала XVII века. «Вопросы истории», 1959, № 3.

Представляется необходимым подробно рассмотреть и события 1604—1605 гг., которые сыграли важную роль в крестьянском движении, развернувшемся на территории Русского государства. Они широко отражены в сохранившихся источниках («Новый летописец», разрядные записи, русские повести, созданные по горячим следам современниками, записки иностранцев, как правило, очевидцев или участников описываемых событий). Тенденциозность этих памятников, служивших оружием острой политической борьбы, несомненна, и пользоваться ими приходится с осторожностью. Вместе с тем обилие сообщаемых фактов открывает возможность с большой полнотой изучить движение 1604—1605 годов.

Ценою огромных усилий правительству Бориса Годунова удалось подавить восстание Хлопка. Но то была лишь временная победа феодалов. Она привела к известному спаду крестьянского движения, однако не устранила причин, вызвавших крестьянскую войну. Часть восставших, по признанию «Нового летописца», «уйдоша на украину»⁹. Именно этот район стал теперь центром крестьянской войны, новая волна которой поднялась осенью 1604 года.

И. И. Смирнов возражает против того, чтобы рассматривать крестьянское движение 1604—1605 гг., связанное с выступлением Лжедмитрия I, как составную часть крестьянской войны. Он видит в нем лишь особую форму интервенции польских феодалов, ничего общего не имевшую с крестьянской войной¹⁰. Фактически И. И. Смирнов вступает в противоречие с выводами, сделанными в его монографии, где он характеризует восстания крестьян Комарицкой и Околенской волостей осенью 1604 г. и Московское восстание 1 июня 1605 г. как антифеодалные¹¹. А ведь эти выступления были составной частью движения 1604—1605 гг., причем Московское восстание закончилось свержением династии Годуновых и переходом власти к Лжедмитрию I.

Чтобы решить вопрос о природе движения 1604—1605 гг., следует обратиться к анализу конкретных фактов. Северская земля, где оно возникло, находилась на стыке двух границ — литовской и Дикого Поля. Это делало ее областью, чрезвычайно важной в стратегическом отношении. Серьезное значение для обороны южных русских границ имели и так называемые города Польской украины. Испытывая здесь постоянную нужду в людях, правительство для пополнения рядов служилых казаков использовало ссылку людей в эти районы и смотрело сквозь пальцы на то, что сюда бежали преступники¹², а также крестьяне и холопы, искавшие убежища от растущего феодального гнета¹³. Часть их пополняла ряды вольных, «воровских», по официальной терминологии, казаков, количество которых в 80—90-х годах XVI в. резко увеличилось. На этот период падает и резкое усиление репрессий против «воровских» казаков со стороны правительства — «гонение велие», по характеристике «Нового летописца»¹⁴. Впрочем, правительство охотно привлекало на «государеву служ-

⁹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV, ч. I, стр. 58.

¹⁰ И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 117.

¹¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 85—86, 115, 119—121.

¹² «Акты исторические» (АИ). Т. I, № 154, стр. 271; «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. XIII, стб. 980.

¹³ РИБ. Т. XIII, стб. 983; «Акты, собранные и изданные Археографической экспедицией» (ААЭ). Т. II, № 40, стр. 96. Колонизация Дикого Поля шла главным образом за счет притока беглых крестьян и холопов. Указ от 1 февраля 1606 г. прямо говорит о массовом бегстве крестьян «в дальние места из Замосковных городов на украины». Основная масса беглых крестьян на Северскую и Польскую украины была, по-видимому, из Рязанских и Заозских городов.

¹⁴ АИ. Т. I, № 228, стр. 433—434; «Акты Московского государства» (АМГ). Т. I. СПб. 1891, №№ 32, 34; А. И. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ (Акты Юшкова). Ч. I. М. 1898, №№ 238, 240—243; ПСРЛ. Т. XIV, ч. I, стр. 61; РИБ. Т. XVIII, стб. 248—249.

бу» часть вольных казаков, как это имело место, например, при постройке города Царева-Борисова¹⁵. Ряды служилых людей «по прибору» пополнялись также за счет вербовки «охочих людей», преимущественно из беглых крестьян и холопов. К недовольству, которое гнало всю эту массу на юг, прибавлялось здесь общее недовольство пограничных гарнизонов тяжелыми условиями службы и ростом феодальных повинностей в пользу государства. Десятинная пашня, которую должны были пахать «жилецкие всякие люди» пограничных уездов, достигала таких размеров, что впоследствии правительство Михаила Федоровича вынуждено было уменьшить ее вдвое, а кое-где и вовсе отменить. Не удивительно, что среди служилых людей «по прибору» постоянно имели место глухие волнения, о чем с тревогой доносили воеводы¹⁶.

Особенностью этого района являлось слабое развитие поместного и вотчинного землевладения; поэтому частновладельческих и церковных крестьян здесь было сравнительно немного. В большинстве своем крестьяне в этом районе являлись, по-видимому, дворцовыми¹⁷. Однако общее усиление крепостного гнета к концу XVI в. коснулось и населения юга. По некоторым сведениям, в 80-х годах XVI в. Борису Годунову была пожалована Комарицкая волость¹⁸, «многолюдная и большая», где жили, по словам И. Массы, «богатые крестьяне»¹⁹. Еще недавно свободные, комарицкие мужики болезненно ощущали рост феодальной эксплуатации, и враждебное отношение к Борису Годунову проявлялось в их среде особенно сильно. Между тем Комарицкая волость была одним из наиболее

¹⁵ Д. И. Бага лей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII столетиях. Т. I. Харьков. 1886, стр. 9—10. Подобные случаи имели место и раньше. См. АИ. Т. I, № 228.

¹⁶ Постоянными были жалобы казаков и других служилых людей на то, что они «худы и лошадей у них нет» (Акты Юшкова, № 241), что «они наги и боси и голодны», что «ни... дворов ставить нечем» (АИ. Т. I, № 228), что, находясь в дозорах, они «з голоду едят лошади, а запасы у них нет» (Акты Юшкова, № 243). Тяжелое положение пограничных гарнизонов признавало правительство, предписывая выдавать казакам дополнительное жалование и обещая высокие награды за «терпенье» (Акты Юшкова, №№ 241—243). В воеводских отписках говорилось также, что казаки и прочие служилые люди «хотя... брести розно» и «нашего указа не слушают» (там же, №№ 241, 243). О десятинной пашне см. И. Н. Миклашевский. Из истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. М. 1894, стр. 266—270.

¹⁷ Слабое развитие поместного и вотчинного землевладения в этом районе несомненно (см., например, АМГ. Т. I, №№ 21, 29; И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 120—121). Отсюда И. И. Смирнов пытается сделать вывод о малочисленности крестьян на юге (И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 120—121). Но одна только степень развития поместного и вотчинного землевладения не может служить основанием для выводов о численности и удельном весе крестьянского населения хотя бы потому, что существовало еще дворцовое и черносошное крестьянство. Можно согласиться с тем, что в районах Дикого Поля численность крестьян была невелика. Что касается Северной Украины, то документы постоянно говорят о крестьянах (АМГ. Т. I, № 3; АИ. Т. I, № 228; Акты Юшкова, №№ 228, 240, 242). В 1606—1607 гг. правительство Шуйского указывало, что Лжедмитрия I поддержали «на севере мужики-севрюки, люди простые» («Дополнения к актам историческим» (ДАИ). Т. I, № 151; «Сборник Русского исторического общества» (Сб. РИО). Т. 137, стр. 243, 258). Характерно, что на Северной Украине не было десятинной пашни и хлеб закупался у местного крестьянства (И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 271—272). Здесь преобладало, очевидно, дворцовое землевладение. Дворец владел в этом районе огромными промысловыми угодьями и рядом сел (И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 121—122, 125; АМГ. Т. I, № 42; ДАИ. Т. I, № 156). Дворцу принадлежала почти все время Комарицкая волость.

¹⁸ Сведения об этом содержатся в работах орловских историков Г. М. Пясецкого (см. «Сборник Орловского церковного историко-археологического общества». Т. II. Орел. 1906, стр. 13, 21—24) и Д. Святского (Д. Святский. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел. 1908, стр. 76). Косвенным подтверждением этих сведений является сообщение Д. Флетчера о пожаловании Борису Годунову доходов «с Рязани и Северска» (Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб. 1906, стр. 34); см. также И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 117.

¹⁹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, стр. 324; И. М а с с а. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 81.

крупных крестьянских районов Северской Украины²⁰. Крестьянство юга несло значительные тяготы из-за увеличения налогов, а также широкого оборонительного строительства, развернувшегося в конце XVI века.

Скопление большого числа беглых, рост прослойки вольных казаков, глубоко враждебных феодальному правительству, недовольство пограничных войск (прежде всего служилого казачества) тяжелыми условиями службы, усиление феодального гнета — все это делало положение на Северской и Польской Украины весьма напряженным. Есть сведения, что именно здесь возникло восстание Хлопка; правда, при нынешнем состоянии источников этот факт невозможно проверить²¹. Но совершенно бесспорно то, что сюда бежали остатки разбитых отрядов Хлопка. Кроме того, в годы голода резко возросло количество крестьян и холопов, пришедших на Северскую и Польскую Украины²², где неурожая не было²³. Появление вчерашних повстанцев и новых беглецов с севера еще более накалило атмосферу в этом районе, что отмечал еще С. Ф. Платонов²⁴. Достаточно было малейшего толчка, чтобы открытое восстание, с трудом подавленное в центре, вспыхнуло с новой силой. Таким толчком и послужило выступление Лжедмитрия I. Еще летом 1604 г. «подметные письма» самозванца появились «в Путивле и в разных иных местах». Эта агитация имела явный успех; по свидетельству одного из очевидцев, «тогда великую любовь к царевичу народ возымел»²⁵.

13 октября 1604 г. войска Лжедмитрия I переправились через Днепр, и уже 18 октября ему без боя сдалась пограничная крепость Моравск²⁶. 25 октября, еще до подхода главных сил самозванца, восстал Чернигов, являвшийся, по описаниям иностранцев, весьма сильной крепостью²⁷. Воевода И. А. Татев, пытавшийся организовать оборону, был выдан Лжедмитрию, а жители города «здались к Ростриге и крест ему целовали»²⁸. Сопrotивление Лжедмитрию оказали только в Новгороде-Северском, где укрепились П. Ф. Басманов и Н. Р. Трубецкой²⁹.

Осада Новгорода-Северского началась в первых числах ноября, а 18 ноября в лагерь самозванца прибыли гонцы из Путивля с вестью о сдаче города³⁰. В короткий срок восстание против гоdуновского правительства широко распространилось: вслед за Путивлем восстал Рыльск, «потом же украинные городы: Царев-Борисов город, Белгород, Аскол, Валуйки, Куреск и Камаретцкая волость»³¹. «Карамзинский хронограф» добавляет к этому списку Кромы³², а «Иное сказание» — Стародуб³³. Согласно одной из разрядных записей, восстание вспыхнуло и в

²⁰ По подсчетам И. И. Смирнова, в Комарицкой волости было в начале XVII в. не менее 2500 крестьянских дворов (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 111—114).

²¹ Сведения о том, что восстание Хлопка началось на Северской Украине, имеются у С. М. Соловьева (С. М. Соловьев. История России. Т. VIII. Б. м. Б. г., стр. 79—80). Но он не дает ссылок на источники. Орловские историки Г. М. Пясецкий (см. Г. М. Пясецкий. Указ. соч., стр. 23) и Д. Святский (см. Д. Святский. Указ. соч., стр. 37), приводят аналогичные сведения также без ссылок на источники. Бесспорно, однако, что в этом районе имели место крестьянские волнения во время восстания Хлопка. Так, в 1602—1603 гг. произошли столкновения между комарицкими крестьянами и властями Ново-Печерского Свиного монастыря из-за земли (В. И. Ко-рецкий. Указ. соч., стр. 125).

²² РИБ. Т. XIII, стб. 484; ААЭ, Т. II, № 40.

²³ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 6—7.

²⁴ С. М. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве. СПб. 1901, стр. 196—197.

²⁵ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. II, № 81, стр. 174.

²⁶ Там же, № 80, стр. 169; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61.

²⁷ См. РИБ. Т. I, стб. 368; «Киевская старина». Т. 64, кн. I. Киев. 1899, стр. 10.

²⁸ СГГД. Т. II, № 80, стр. 169; ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61.

²⁹ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62; Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитри Самозванце. Т. I. СПб. 1859, стр. 157.

³⁰ СГГД. Т. II, № 80, стр. 170.

³¹ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 62.

³² А. Попов. Указ. соч., стр. 324.

³³ РИБ. Т. XIII, стб. 28.

районе Орла³⁴, а С. Борша, сопровождавший самозванца с начала похода, пишет, что к Лжедмитрию присоединились Елец и Воронеж³⁵. По сообщению Маржерета, как правило, хорошо осведомленного, восстание вспыхнуло и в Ливнах³⁶. Таким образом, осенью 1604 г. движение охватило районы к югу от линии Стародуб — Орел — Елец и к западу от линии Елец — Воронеж — Валуйки — Царев-Борисов, то есть тот самый район, который летом 1606 г. стал очагом восстания Болотникова.

Бесспорно, что самозванец являлся ставленником польских магнатов, стремившихся к расчленению Русского государства. Но значит ли это, что восстание, вспыхнувшее на юге с его появлением, можно рассматривать только как особую форму интервенции польских феодалов, по существу, как результат действий кучки изменников? Еще С. Ф. Платонов справедливо возражал против подобной точки зрения. Но для него события на юге были прежде всего бунтом недовольного пограничного служилого люда³⁷. Анализ социального состава движения приводит к иным выводам. Первыми примкнули к Лжедмитрию запорожцы и «воры... донские казаки» во главе с атаманом Корелой, двинувшиеся в недавно освоенные районы Дикого Поля. Видимо, уже по пути к ним присоединились вольные казаки, жившие в бассейнах рек Сейма, Оскола и Северного Донца. «Новый летописец», говоря об их участии в движении, объясняет, что «казакам от царя Бориса было гонение велие»³⁸. Это свидетельствует о том, что выступление вольных казаков, большую часть которых составляли беглые крестьяне и холопы, имело характер социального протеста.

Но против правительства Бориса Годунова выступили не только вольные казаки. Ряд данных свидетельствует о широком участии в восстании крестьян. Во время переговоров с Сигизмундом III правительство Василия Шуйского признавало, что со вступлением Лжедмитрия в Северскую землю «тутошние мужики-севрюки глупые прельстились и поверили» ему³⁹. По словам Маржерета (он принимал непосредственное участие в боях против восставших), самозванец «присоединил к ним (своим войскам.— И. С.) довольно земледельцев, которых приучил владеть оружием»⁴⁰. И. Масса, использовавший рассказы очевидцев, сообщает, что «крестьяне переходили на сторону Дмитрия сотнями и признавали его законным своим государем»⁴¹. О крестьянском восстании в районе Орла говорит одна из разрядных записей: «лета 7113 года при царе Борисе... приходили на Орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане»⁴².

В ноябре 1604 г. вспыхнуло восстание и в Комарицкой волости⁴³. Что здесь поднялись именно крестьяне, не сомневается никто, в том числе и И. И. Смирнов⁴⁴. Известно также, какую зверскую расправу над восставшими комарицкими мужиками учинили зимою 1605 г. правительственные войска⁴⁵. В движении приняли участие беглые крестьяне и холопы. Дипломатические документы правительства Василия Шуйского прямо указывают, что «в совете с тем вором с розстригю з Гришкою с Отрепьевым» были «воры-казаки и беглые холопы»⁴⁶. Едва ли можно отрицать, что

³⁴ С. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М. 1907, стр. 238.

³⁵ РИБ. Т. I, стб. 368.

³⁶ Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 293.

³⁷ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 196—197, 200.

³⁸ ПСРЛ. Т. XIV, ч. I, стр. 61. О районах обитания «воровских» казаков см. Акты Юшкова, № 241.

³⁹ Сб. РИО. Т. 137, стр. 243.

⁴⁰ Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 294.

⁴¹ И. Масса. Указ. соч., стр. 81.

⁴² С. Белокуров. Указ. соч., стр. 238.

⁴³ ПСРЛ. Т. XIV, ч. I, стр. 62; СГГД. Т. II, № 80, стр. 170.

⁴⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 115, 119—121.

⁴⁵ См. А. Попов. Указ. соч., стр. 265—266; И. Масса. Указ. соч., стр. 82; Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 41.

⁴⁶ Сб. РИО. Т. 137, стр. 414.

среди них находились и участники восстания Хлопка, бежавшие в этот район.

Следовательно, осенью 1604 г. на юге началось повсеместно всеобщее восстание. По-видимому, именно крестьяне (включая сюда и беглых) составили основную массу повстанцев, выступивших на стороне Лжедмитрия.

Восстание охватило и ряд городов. Правда, не все города юга имели посады; в значительной части города Польской Украины представляли собой крепости. В старых городах Северщины посады имелись; торгово-ремесленный люд жил здесь и в частновладельческих слободах. При этом посадское население юга, помимо обычного тягла, несло тяжелую и опасную сторожевую службу, отрывавшую его от обычных занятий⁴⁷. Не удивительно поэтому, что с появлением самозванца в городах, по недвусмысленному свидетельству источников, «смугилися черные люди»⁴⁸.

Значительный посад существовал в конце XVI в. в Чернигове. Так в 1595 г. было предписано посылать из Чернигова в Моравск, стоявший на самой границе, «по пятидесяти человек мещан, переменяя по месяцем»⁴⁹. Черниговские посадские люди, входившие в состав гарнизона Моравска, несомненно, приняли участие в восстании, вспыхнувшем с приходом войск Лжедмитрия, когда, как отмечено в «Дневнике Марины Мнишек», «чернь сдала» самозванцу Моравск⁵⁰. Восстание произошло и в самом Чернигове. «Сказание о Гришке Отрепьеве» указывает на то, что «смугишася черные люди... и здаша... Чернигов»⁵¹. Об активном участии черниговского посада в движении говорит и рассказ Паэрле, целиком основанный на сообщениях очевидцев. По словам Паэрле, воевода И. А. Татев заперся с 300 стрельцами в остроге и пытался организовать оборону города, но был осажден восставшим населением, призвавшим на помощь 2 тыс. казаков⁵². По-видимому, под влиянием черниговских событий П. Ф. Басманов, укрепившийся в Новгороде-Северском, предусмотрительно сжег посад и согнал жителей города в крепость⁵³.

В середине ноября 1604 г. вспыхнуло восстание в Путивле. Некоторое представление о Путивле начала XVII в. дает писцовая книга 1626 года. В Путивльском посаде насчитывалось в то время 92 тяглых и 3 белых двора, посадские люди (52 чел.) жили «на дворничестве» и в 22 осадных дворах. В посаде же находилось 90 дворов церковных бобылей и 3 слободы (275 дворов), принадлежавших Молчинскому монастырю. К этим 482 дворам, населенным торгово-ремесленным людом, надо добавить казачьи и стрелецкие слободы⁵⁴. При этом писцовая книга отмечает, что Путивль только начал оправляться «от литовского разорения». Следовательно, в начале XVII в. размеры посада были больше, чем в 1626 году. Не случайно современники отмечали, что «Путивль город был многолюдный» и вел «торговлю в той местности»⁵⁵. Источники говорят, что против Б. Годунова в Путивле выступили князь В. Масальский и дьяк Б. Сутупов «с черными людьми»⁵⁶. Характерно, что именно «черные люди», «мещане» Путивля поддержали Лжедмитрия, когда он после поражения под Новгородом-Северским бежал в Путивль⁵⁷. Почти одновременно с Путивлем восстал и Рыльск, жители которого встретили правительственные войска ружейным и артиллерийским огнем⁵⁸. В Рыльске также суще-

⁴⁷ См. АМГ. Т. I, №№ 3, 7, 18; Акты Юшкова, № 258, стр. 175.

⁴⁸ РИБ. Т. XIII, стб. 724; см. также А. Попов. Указ. соч., стр. 323—324.

⁴⁹ Акты Юшкова, № 258, стр. 275.

⁵⁰ Н. Устрялов. Указ. соч. Т. II, стр. 131.

⁵¹ РИБ. Т. XIII, стб. 724.

⁵² Н. Устрялов. Указ. соч., Т. I, стр. 156—157.

⁵³ Там же, стр. 157; ПСРЛ. Т. XIV, ч. I, стр. 62.

⁵⁴ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 94—96, 98.

⁵⁵ А. Попов. Указ. соч., стр. 324; И. Масся. Указ. соч., стр. 78.

⁵⁶ РИБ. Т. XIII, стб. 724.

⁵⁷ Там же. Т. I, стб. 385—386; т. XIII, стб. 35.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XIV, ч. I, стр. 62.

ствовал посад, о чем свидетельствуют документы конца XVI в., а также писцовая книга 1626 года⁵⁹. Ясно, что и здесь посадские люди приняли активное участие в движении. Указанные факты не оставляют сомнения в том, что в восстании осенью 1604 г. приняли участие посадские люди и зависимое население городских торгово-ремесленных слобод.

В городах восстали также служилые люди «по прибору», составлявшие большинство пограничных гарнизонов. Источники указывают на «измену» и «смуту» «в ратных людех»⁶⁰. Надо полагать, что восстание служилого казачества произошло по всему югу, за исключением Новгорода-Северского, где местные казаки были включены в состав отряда, приведенного П. Ф. Басмановым, и приняли участие в обороне города⁶¹. Примкнули к движению и стрельцы. Только в некоторых местах, например в Чернигове, они какое-то время колебались.

Таким образом, в восстании, вспыхнувшем осенью 1604 г., приняли участие самые широкие слои населения юга: крестьяне, вольные казаки Дикого Поля и Дона, посадские люди, приборные служилые люди украинских городов (по преимуществу казаки и стрельцы), беглые крестьяне и холопы. Очень характерно, что именно эти социальные группы «Новый летописец» рассматривает как главные силы восстания Болотникова, видя в них, по существу, инициаторов выступления: «бысть же в лето 7115 году, собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посадские люди и стрельцы и казаки»⁶². Выше отмечалось совпадение первоначальных очагов движения 1604—1605 гг. и восстания Болотникова, теперь можно констатировать и совпадение социального состава участников обоих выступлений.

Следует указать и общий для обоих восстаний лозунг: «за истинного царя Дмитрия». Во время восстания Болотникова он имел явно антифеодальное содержание. Какой же смысл вкладывали в этот лозунг народные массы осенью 1604 года? Каковы были характер и программа начавшегося тогда движения?

Обращает на себя внимание, что правительство Василия Шуйского, публикуя летом 1606 г. документы, разоблачавшие Лжедмитрия, обвиняло его, в частности, в стремлении «бояр и дворян и приказных людей и гостей и всяких лучших людей побити»⁶³. Василий Шуйский и его окружение, хорошо знавшие самозванца, конечно, сами не верили в существование у него подобных намерений. Слух о желании самозванца истребить бояр, дворян и «лучших людей» возник скорее всего в среде восставших осенью 1604 г. народных масс, ибо такая программа действий отвечала их настроениям. Демагогическая пропаганда Лжедмитрия лишь способствовала распространению этого слуха⁶⁴. А если такое предположение правильно, то следует признать, что уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян, так же как это имело место во время восстания Болотникова. Во всяком случае, действия повстанцев в указанный период были практическим осуществлением именно этих призывов. Как признают все

⁵⁹ АМГ. Т. I, №№ 3, 7, 18; И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 98, прим. 1.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61.

⁶¹ АМГ. Т. I, № 42. Такой же вывод делает и С. Ф. Платонов (см. С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 200).

⁶² ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 72.

⁶³ СГГД. Т. II, № 140, стр. 309; РИБ. Т. XIII, стб. 77.

⁶⁴ Правительство Василия Шуйского объявило, что самозванец хотел перебить бояр и прочих представителей господствующего класса «по совету с польскими и с литовскими людьми» как защитников православия и врагов католицизма, планы введения которого у Лжедмитрия действительно имелись (СГГД. Т. II, № 140, стр. 309; РИБ. Т. XIII, стб. 77). Это была попытка сыграть на религиозных и национальных чувствах населения и дискредитировать в глазах масс самую идею физического истребления эксплуататоров как деяния якобы антинационального

источники, восставшие «воевод били и грабили и сзезав к нему (Лжедмитрию.— И. С.) приводили»⁶⁵.

Для определения характера восстания важное значение имеет и то обстоятельство, что именно «со 112 году, как начала быть от Ростриги смута», население юга повсеместно прекратило пахать «на государя» десятинную пашню, то есть перестало выполнять тяжелейшую феодальную повинность. Как видно из Воронежской дозорной книги 1615 г., земля была разделена местным населением, которое обрабатывало теперь «те десятины... на себя»⁶⁶. Все эти факты свидетельствуют об антифеодальной направленности восстания, начавшегося на юге страны осенью 1604 года. Крестьянская война, пошедшая было на убыль после поражения восстания Хлопка, вспыхнула теперь с новой силой.

Подъемом народного движения воспользовался для осуществления своих авантюристических замыслов ставленник польско-литовских феодалов. Силы, с которыми самозванец начинал поход, были очень невелики⁶⁷. Во всяком случае, современники и участники его похода признавали, что этих сил не хватало даже для того, чтобы овладеть пограничными городами Моравском и Черниговом⁶⁸. Понятно, что Лжедмитрий сам по себе не представлял сколько-нибудь серьезной угрозы для правительства Бориса Годунова. Лишь всеобщее восстание на юге превратило Лжедмитрия в значительную силу, открыло перед ним ворота городов и отдало в его руки огромные пространства русского юга. Комарицкие крестьяне задержали правительственные войска после боя при Новгороде-Северском. Более того, расширение района восстания свело на нет результаты этого боя, где были наголову разбиты отряды Лжедмитрия: годуновская армия поспешно отошла к Кромам, где засел атаман Корела, а тем временем самозванец пополнил свои войска.

Характерно, что после поражения под Новгородом-Северским Лжедмитрий, бежавший в Путивль, пал духом и «нача помышляти в Литву бежати». Однако жители Путивля («гражане вси», или «мещане», как называет их С. Борша) не пустили его за рубеж, организовав сбор средств и формирование новых войск. В «Ином сказании» мы читаем: «они же ему глаголаша: емли, государь, ныне имение наше, ...а затем пойдем мы с тобою все своими головами, да вси помрем или живот и честь от тебя обрящем»⁶⁹. Здесь ярко обрисована та роль, которую сыграли восставшие в победе Лжедмитрия. Без их поддержки последний был бы разгромлен, а его авантюра ликвидирована в первые же недели после перехода им границы.

Причины популярности самозванца следует искать прежде всего в царистских иллюзиях народных масс, ловко использованных Лжедмитрием. Выступая в своих прокламациях с обвинениями против Бориса Годунова, он не скупился на обращенные к народу туманные заявления о «вольности» и «благоденственном житии»⁷⁰. Первые шаги его как будто подтверждали реальность таких обещаний: он не препятствовал (да фак-

⁶⁵ А. Попов. Указ. соч., стр. 323—324; см. также ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 61—62; РИБ. Т. XIII, стб. 724 и др.; СГГД. Т. II, № 80; Н. Устрялов. Указ. соч. Т. I, стр. 159 и др. Об отношении повстанцев к боярам свидетельствует такой факт: путивльского воеводу боярина М. М. Салтыкова восставшие привели к самозванцу «на веревке, привязанной к бороде его» (Н. Устрялов. Указ. соч. Т. II, стр. 181).

⁶⁶ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 218, 266.

⁶⁷ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 193—194, 202—203; А. Савич. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского. Сборник «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Ч. I. М.-Л. 1939, стр. 194—195.

⁶⁸ Пармский агент, находившийся в армии Лжедмитрия, в своем донесении подчеркивал, «что немислимо было бы взять эти замки силой, если бы они сами не сдались». См. «Киевская старина». Т. 64, кн. 1. Киев. 1899, стр. 10.

⁶⁹ РИБ. Т. XIII, стб. 34—35. Рассказ «Иного сказания» подтверждается сообщением Станислава Борши, сопровождавшего самозванца во время его бегства в Путивль (РИБ. Т. I, стб. 385—386).

⁷⁰ См. там же. Т. XIII, стб. 723—724, 802; ААЭ. Т. II, № 26.

тически и не мог препятствовать) уничтожению «государевой десятинной пашни», а поведение его войск вначале резко отличалось от варварских действий годуновских воевод, сжигавших городские посады и громивших села и деревни⁷¹. В результате авторитет самозванца укреплялся, в массах зрело убеждение, что он-то и есть «добрый крестьянский царь».

В этих условиях имя Лжедмитрия стало в известной мере знаменем народного движения, хотя сам он ни в коей мере не являлся крестьянским вождем. Факты говорят о том, что он боялся восставших и всячески стремился привлечь на свою сторону дворянство и боярство. Воевод, которых восставшие, связав, приводили к нему, он, как правило, освобождал и вводил в число своих приближенных⁷². Многие из них сохраняли за собой воеводства, как это было, например, в Путивле и Рыльске⁷³. Белгородский воевода князь Б. М. Лыков, выданный восставшими Лжедмитрию, был в мае 1605 г. послан им «приводить ко кресту» кромскую армию, а товарищ Б. М. Лыкова по воеводству Г. Г. Пушкин вместе с Н. Плещеевым повез в Москву «прелестную грамоту» самозванца⁷⁴. Чем прочнее становилось положение Лжедмитрия, тем более определенно обращался он в своих прокламациях к боярам, дворянству и купечеству, тем приглушеннее звучали его обещания народу. Показательна в этом отношении его грамота, привезенная 1 июня 1605 г. в Москву⁷⁵.

Так с самого начала в событиях 1604—1605 гг. переплелись две глубоко противоречивые струи: с одной стороны, восстание крестьян, посадских и мелкого служилого люда — прямое продолжение крестьянской войны, начавшейся летом 1603 г., с другой — реакционная авантюра Лжедмитрия, который использовал крестьянское восстание и одновременно стремился привлечь на свою сторону недовольные Годуновым слои господствующего класса. Гражданская война, шедшая в стране, осложнилась иностранным вмешательством.

Боярству и дворянству скоро стало ясно, что самозванец ведет двойную игру и отнюдь не собирается изменять существующие феодальные порядки. Именно тогда и проявились со всей силой как ненависть большинства бояр к царю-выскочке⁷⁶, так и недовольство южного дворянства политикой Бориса Годунова⁷⁷. 7 мая 1605 г. годуновская армия, стоявшая под Кромами, перешла на сторону Лжедмитрия. Впоследствии, в ходе переговоров с Сигизмундом III, правительство Шуйского заявляло, что в царской армии к этому времени оставались якобы лишь «немногие бояре и воеводы, а с ними только ратные люди Северских и Украинных городов, стрельцы и казаки и черные люди»⁷⁸. Дипломаты Василия Шуйского,

⁷¹ По рассказу С. Борши, после сдачи Чернигова казаки разграбили город, однако Лжедмитрий сделал им выговор и добился возвращения значительной части награбленного (РИБ. Т. I, стб. 369—370). Сообщение С. Борши — единственное упоминание о насилиях войск Лжедмитрия. Русские источники, безусловно, враждебные Лжедмитрию, также ничего не говорят о такого рода фактах.

⁷² См. Н. Устрялов. Указ. соч. Т. 1, стр. 169; С. Белокуров. Указ соч., стр. 2, 5, 28, 61, 73, 191 и др.

⁷³ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 28; РИБ. Т. XIII, стб. 724; ПСРЛ. Т. XIV, ч. I, стр. 62.

⁷⁴ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 5, 28, 72, 201.

⁷⁵ ААЭ. Т. II, № 34. Ср. более раннюю прокламацию, опубликованную в том же томе (№ 26), и изложение «прелестных писем» Лжедмитрия в «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича» (РИБ. Т. XIII, стб. 802).

⁷⁶ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 147—161, 167—169, 175—191, 207—209.

⁷⁷ Об этом свидетельствует уже самый факт кромской измены рязанских и заокских дворян. Одной из причин недовольства южного дворянства было, по-видимому, следующее обстоятельство. Известно, что правительство Бориса Годунова настойчиво продвигало в глубь Дикого Поля систему оборонительных сооружений. Южному дворянству приходилось нести при этом часть тягот, связанных с созданием этих сооружений. Дворяне заокских городов участвовали в строительстве новых городов и исполняли тяжелую пограничную службу, отнимавшую много времени и средств (АМГ. Т. I, №№ 3, 18, 20, 21, 23, 27, 31, 34 и др.; Акты Юшкова, №№ 242, 248 и др.). Дворяне, естественно, были недовольны своим положением.

⁷⁸ Сб. РИО. Т. 137, стр. 437.

по-видимому, старались в данном случае преуменьшить количество дворян, находившихся в кромской армии. Однако несомненно, что дворянское ополчение, составлявшее ее ядро, непрерывно таяло, и к началу мая 1605 г. «черные люди» (даточные из крестьян) явно преобладали в составе правительственных войск, стоявших под Кромами⁷⁹. Активное участие в событиях 7 мая именно «черных людей» бесспорно. Недаром значительная часть дворянства, напуганная этими событиями, разбегалась из армии⁸⁰. Многих оставшихся в армии бояр и воевод восставшие, «поймав и перевезав, отвели к вору в Путивль»⁸¹. Антифеодальный характер этого выступления «черных людей» признает и И. И. Смирнов⁸². В этом отношении события под Кромами были прямым продолжением восстания, начавшегося осенью 1604 года.

В то же время в кромской армии имел место боярско-дворянский заговор против гоудуновского правительства. В числе его участников находился П. Ф. Басманов, князя Голицыны, с которыми «были в совете город Резань, Тула, Кашира, Олексин», или, вернее, вожди дворянства этих городов. Во главе рязанских дворян выступили «Прокофей Ледунов з братьею». Заговорщики завязали сношения с Лжедмитрием за полго до начала рассматриваемых событий под Кромами⁸³. Руководители заговора В. В. Голицын и П. Ф. Басманов в самом начале выступления «черных людей» 7 мая были связаны по их собственному приказу. С. Ф. Платонов считал, что это было вызвано их стремлением избежать в будущем возможных обвинений в измене⁸⁴. Однако правильнее было бы объяснить такой шаг страхом перед «черными людьми», которые могли расправиться с ненавистными им боярами. Так или иначе, но в кромских событиях 7 мая 1605 г. перед нами явилось как антифеодальное восстание «черных людей», преобладавших тогда в армии, так и антигодуновский заговор части бояр и верхушки южного дворянства, по своим целям ничего общего не имевший с крестьянским движением.

То, что 1 июня 1605 г., когда самозванец подходил к Москве, здесь вспыхнуло антифеодальное восстание, ныне не вызывает сомнений. И. И. Смирнов справедливо замечает, что приближение Лжедмитрия к Москве вызвало «новый подъем борьбы городских низов Москвы», которые «превратили церемонию присяги самозванцу в поход против бояр»⁸⁵. А Лжедмитрий и перешедшие на его сторону бояре использовали восстание для расправы с Годуновыми⁸⁶.

Таким образом, для всего движения 1604—1605 гг. характерно сочетание двух противоречивых тенденций. Мощная волна крестьянской войны, охватившей юг страны и постепенно перемещавшейся в северные районы, была временно использована в политических целях, чуждых народным массам, Лжедмитрием и недовольными Борисом Годуновым группировками господствующего класса. Царистские иллюзии крестьянства и социальная демагогия самозванца облегчили такое развитие событий и привели к тому, что восставшие народные массы, выдвинув антифеодальные лозунги и действуя в соответствии с ними, вместе с тем возлагали надежды на то, что Лжедмитрий улучшит их положение. Не считать

⁷⁹ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 204—207; см. также ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 63—64; И. Масса. Указ. соч., стр. 99; РИБ. Т. XIII, стб. 40.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 64; РИБ. Т. XIII, стб. 41; И. Масса. Указ. соч., стр. 101—103; С. Белокуров. Указ. соч., стр. 201.

⁸¹ Сб. РИО. Т. 137, стр. 437. См. также ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 64; С. Белокуров. Указ. соч., стр. 4—5; РИБ. Т. XIII, стб. 41, 575—576.

⁸² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 120—121.

⁸³ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 64; С. Белокуров. Указ. соч., стр. 4—5. 72, 200—201; А. Попов. Указ. соч., стр. 328; РИБ. Т. XIII, стб. 40—41; И. Масса. Указ. соч., стр. 101—103.

⁸⁴ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 216.

⁸⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 85—86.

⁸⁶ См., например, ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 65—66.

ся с этим самозванец и его окружение не могли. Именно поэтому в политике Лжедмитрия нашли некоторое отражение противоречия, возникшие в ходе восстания. Хотя в целом политика самозванца носила крепостнический характер, он вынужден был в силу указанных причин сделать известные уступки массе восставших крестьян, холопов и казаков⁸⁷.

Что же это за уступки? Из записки, составленной, видимо, английским резидентом в Москве Джоном Мериком, видно, что Лжедмитрий на 10 лет освободил Северскую и Польскую Украины — очаг восстания — «от всех налогов и податей»⁸⁸. Не была восстановлена на юге и «государева десятинная пашня», уничтоженная в ходе восстания⁸⁹. Некоторые уступки восставшим отражены и в законодательстве Лжедмитрия по крестьянскому вопросу.

И. И. Смирнов, возражая А. А. Зимину, полагает, что приговор от 1 февраля 1606 г. о беглых крестьянах лишь возобновлял закон 1597 г. о пятилетнем сроке сыска, действие которого было подорвано законодательством Бориса Годунова во время голода, и не содержал каких-либо уступок крестьянству⁹⁰. Такая характеристика не совсем точна. Восстанавливая закон 1597 г., приговор от 1 февраля 1606 г. вместе с тем предусматривал, что крестьяне, бежавшие «в голодные годы» «от бедности», не подлежали возвращению старым господам. При всех оговорках, которыми была обставлена эта статья, она, бесспорно, не только учитывала интересы рязанского и заокского дворянства, но и признавала свободными крестьян, бежавших на Северскую и Польскую Украины в 1601—1603 гг., то есть участников восстания 1604—1605 годов. Наконец, приговор, хотя и с большими оговорками, объявлял недействительными кабальные записи на крестьян, взятых во время голода «во двор с пашни силно», если эти записи не были записаны в кабальные книги⁹¹. Декларативность этой статьи, конечно, не подлежит сомнению, но самый факт ее появления весьма примечателен. Следовательно, приговор от 1 февраля 1606 г. содержал определенные уступки крестьянству, хотя, конечно, эти уступки не затрагивали основ крепостного строя и носили в значительной мере демагогический характер.

И. И. Смирнов возражает А. А. Зимину и по поводу трактовки последним указа от 7 января 1606 г. о кабальных холопах. И. И. Смирнов видит в этом указе лишь уточнение и развитие норм действовавшего в то время законодательства⁹². Однако он обходит молчанием тот факт, что указ не только запрещал впредь записывать кабальных холопов за двумя господами сразу, но и объявлял недействительными старые кабальные записи, где холоп был записан на имя отца с сыном или братьев, предписывая прямо «тех людей... освободити от них на волю»⁹³. Ясно, что нельзя рассматривать этот указ как антикрепостнический. Однако, бесспорно, что некоторые статьи в нем говорили об освобождении тех кабальных холопов, которые находились в зависимости от нескольких господ. Это, и только это, а вовсе не правило, запрещавшее в дальнейшем писать кабалы на имя отца с сыном (как пытается представить дело И. И. Смирнов), имел, по нашему мнению, в виду А. А. Зимин, характеризуя указ от 7 января 1606 г. как акт, содержащий некоторые уступки холопам⁹⁴.

Указанные мероприятия Лжедмитрия представляли собой, по сути

⁸⁷ И. И. Смирнов оспаривает это мнение А. А. Зимина. См. И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 118—120.

⁸⁸ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, приложение IV, стр. 552.

⁸⁹ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 218, 266.

⁹⁰ И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 118—119.

⁹¹ ДАЭ. Т. II, № 40.

⁹² И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов..., стр. 119—120.

⁹³ Памятники русского права. Вып. IV. М. 1956, стр. 376, 540—541.

⁹⁴ А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны..., стр. 100.

дела, продолжение той социальной демагогии, к которой он прибегал в 1604—1605 годах. Антикрепостнического в них было не больше, чем в аналогичных мероприятиях гоудуновского правительства в годы голода и во время восстания Хлопка. Но ряд уступок самозванца способствовал поддержанию крестьянских иллюзий о «хорошем царе Дмитрие». Поэтому для той части крестьян и холопов, среди которой Лжедмитрий пользовался популярностью, прежде всего для населения юга, события 17 мая 1606 г. явились неожиданностью, а воцарение Василия Шуйского, хорошо известного по расправе над комаричанами, означало крах всех надежд на улучшение положения крестьян. Между тем масса участников восстания 1604—1605 гг. была вооружена, считала себя победителем, а чистка армии, начатая Лжедмитрием⁹⁵, не была закончена. Восстание, казалось, окончившееся с воцарением Лжедмитрия, вспыхнуло с новой силой, причем в том же самом районе, что и осенью 1604 г., и под тем же лозунгом — «за царя Дмитрия». Не удивительно и то, что в восстании Болотникова с самого начала приняло участие южное дворянство: перед ним был свежий пример использования антифеодального движения в борьбе против Бориса Годунова. Южные дворяне пытались снова повторить этот опыт в борьбе против боярского правительства Василия Шуйского. Правда, дальнейшее развитие событий опрокинуло эти надежды.

Подведем некоторые итоги. Анализ имеющегося материала показывает, что крестьянская война в начале XVII в. не может быть сведена к одному только восстанию Болотникова. Она началась гораздо раньше, летом 1603 г., и ее первый этап включает, кроме восстания Хлопка, еще и восстание 1604—1605 годов. Последнее сыграло особенно важную роль в дальнейшем развитии крестьянской войны начала XVII века. Именно в ходе его четко определился главный очаг крестьянской войны — южные районы Русского государства, выявился сложный социальный состав ее участников, впервые был выдвинут один из главных лозунгов движения — «за хорошего царя Дмитрия», тесно связанный с призывом к истреблению феодалов. Появление этого лозунга в значительной степени было вызвано социальной демагогией Лжедмитрия, авантюра которого представляла собой попытку иностранного вмешательства в гражданскую войну в России.

Ловко спекулируя царистскими иллюзиями крестьянства, Лжедмитрий и присоединившиеся к нему русские феодалы, недовольные политикой Бориса Годунова, сумели временно использовать в своих интересах антифеодальное по своему существу народное движение. Поэтому свержение Годунова, которым завершилось восстание 1604—1605 гг., не привело к каким-либо серьезным социальным переменам. Причины, породившие крестьянскую войну, не были устранены. Лжедмитрий продолжал крепостническую политику своих предшественников. Однако он вынужден был пойти на некоторые уступки народным массам, в первую очередь населению юга. Массы восставших сохранили оружие и были уверены в своей победе. Именно поэтому воцарение Василия Шуйского привело к новому подъему гражданской войны, значительно превосходящему по формам и масштабам классовую борьбу и восстание Хлопка и восстание 1604—1605 годов. На ход крестьянской войны оказал определенное влияние и самый факт временного успеха авантюры Лжедмитрия. Это влияние сказалось в том, что и в дальнейшем (в том числе и во время восстания Болотникова) были попытки как польско-литовских, так и русских феодалов использовать крестьянское движение в своих интересах.

⁹⁵ См. Акты Юшкова, № 266, стр. 284; А. Попов. Указ. соч. стр. 328—329; В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1. М. 1891, стр. 64, 72, 84, 89—91, 128.